

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ШЕДИЙ

кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии, государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орел, Российская Федерация)

m_v_shedij@mail.ru

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОЙ АРХИТЕКТониКИ КОРРУПЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Коррупция в современной России носит системный характер и оказывает влияние практически на все стороны жизни общества, выступая в качестве одной из форм социальной практики. Исследование данного феномена предполагает в первую очередь уяснение его природы и причинной взаимосвязи между элементами социальной архитектуры коррупционных отношений. Особое внимание уделяется анализу понятий «коррупционная иерархия» и «коррупционная сеть», а также условиям их функционирования и механизмам воспроизводства. В результате исследования особенностей архитектуры коррупционных отношений в современном обществе разработаны методики социального инжиниринга, направленные на длительное и постепенное изменение менталитета социальных групп, что приведет к снижению коррупционной активности и вытеснению ее из повседневной жизни.

Ключевые слова: коррупция, детерминанты коррупционных отношений, механизм воспроизводства коррупции, корруппант

Коррупция как социальное явление обладает рядом качественных признаков, позволяющих выделить ее из совокупности иных социальных явлений: 1) противоправность поведения коррупционера по отношению к интересам общественного большинства; 2) использование коррупционером метода принуждения для достижения властного экономического господства; 3) неформальный характер деятельности участников коррупционных отношений; 4) нелегитимность использования участниками коррупционных отношений материальных и нематериальных благ, принадлежащих обществу и государству, а также средств их достижения [7].

Специального внимания заслуживает проблема описания социальной архитектуры коррупционных отношений. Каждая из составных частей этих отношений раскрывается на следующем логическом уровне: 1) детерминанты коррупционных отношений; 2) лица, вовлеченные в коррупцию; 3) инструменты коррупции; 4) коррупциогенные факторы; 5) выгода от коррупционных отношений; 6) последствия коррупционных отношений.

Попытка систематизации детерминанты коррупции, разделяя ее по степени устойчивости и стабильности во времени, приводит к следующей причинной иерархии. Наиболее статичными являются морально-психологические факторы, которые определяют общую предрасположенность (или неперасположенность) общества к проявлениям коррупции. Социально-экономические факторы обуславливают «коррупционный облик» страны в долго- и среднесрочные периоды. Наиболее динамично изменяющиеся политические и правовые факторы определяют

коррупцию в непродолжительные (краткосрочные) промежутки времени. Под коррупциогенным фактором следует понимать явление или группу явлений, порождающих коррупцию или способствующих ее росту. К числу базовых коррупциогенных факторов традиционно относят неопределенность правовых норм, закрытость (непрозрачность) правоприменительных процедур и деятельности государственных органов, отсутствие контроля общественности [3; 26].

Выгоды, полученные при коррупционных отношениях, можно разделить, во-первых, по времени получения вознаграждения: в прошедшем, настоящем или будущем периоде; во-вторых, по качественным характеристикам вознаграждения: материальное или нематериальное. В каждом из трех временных периодов существует возможность разделения выгоды на материальную и нематериальную. Если в результате коррумпированных действий человек получает материальную выгоду, то здесь понимается получение взятки. Под взяткой подразумевается как денежное, так и вещественное вознаграждение. Нематериальное вознаграждение представляет собой более сложное и многостороннее явление и является синонимом удовлетворения как физического, так и духовного.

Определение временного периода базируется не на выявлении результата от коррупционного действия, а на моменте получения выгоды и имеет важное значение для определения цели коррупции. К последствиям коррупционных отношений можно отнести: 1) экономические: расширение теневой экономики, нарушение конкурентных механизмов рынка, неэффективное использование бюджетных средств, повышение

цены за счет коррупционных «накладных» расходов, снижение требований к качеству товаров и услуг и др.; 2) социальные: отвлечение колоссальных средств от целей общественного развития, закрепление и увеличение резкого имущественного неравенства, несправедливое перераспределение средств в пользу узких олигархических групп за счет наиболее уязвимых слоев населения, дискредитация права как основного инструмента регулирования жизни государства и общества, формирование в общественном сознании представления о беззащитности граждан и перед преступностью, и перед властью, увеличение социальной напряженности, формирование в обществе «двойного стандарта» морали и поведения, приводящего к тому, что мерой всего становятся деньги. Все это приводит к девальвации цивилизованных социальных регуляторов поведения людей: норм морали, права религии, общественного мнения и т. д.; 3) политические: смещение целей политики от общенационального развития к обеспечению властвования олигархических группировок, уменьшение доверия к власти, падение престижа страны на международной арене, снижение политической конкуренции [8; 54].

Последствия коррупции не столь однозначны и очевидны. Существуют примеры как негативного, так и в определенном смысле позитивного воздействия коррупции на сферы общественной жизни (в частности, на экономику). Данной точки зрения придерживаются представители «ревизионистской» школы исследования коррупции (С. Хантингтон, Х. Абуэва, Д. Бэйли, Н. Лефф, К. Лейес), по мнению которых коррупция может выполнять позитивные функции в плане интеграции, развития и модернизации обществ «третьего мира». Согласно их воззрениям, выполнив свои политические и экономические функции, коррупция исчезает.

Коррупция представляет собой не изолированный акт в виде отдельного противоправного деяния, а самовоспроизводящийся процесс, в который вовлечены различные участники событий, играющие определенные роли.

При коррупционных проявлениях лицо, предоставляющее незаконные блага государственным и иным должностным лицам, определяется как коррупмпатор. В свою очередь, под термином «коррупмпант» («коррупционер») понимается лицо, занимающее государственную (муниципальную) или иную должность, замешанное в коррупционных отношениях.

Передаточным механизмом между коррупмпатором и коррупмпантом могут быть посредники, однако текущие коррупционные контакты могут осуществляться и напрямую. Самую пассивную роль в коррупционном процессе играют пострадавшие от коррупционных деяний. От этого явления косвенно страдает и весь социум в целом.

Социальные иерархии, формирующиеся в результате развития коррупционных связей, выгодны их участникам, для которых максимизируется благосостояние и уменьшается уровень риска разоблачения. Таким образом, коррупционная сделка перфектно удовлетворяет взаимный интерес сторон в ней. По мнению Р. Нилсена, «достигается паразитная взаимность, при которой все в выигрыше (win-win, или выигрыш – выигрыш). Паразитное коррупционное поведение может переплетаться с продуктивными действиями и взаимоотношениями, дополнительно питающими коррупционную систему» [7].

С позиции же развития социума в целом функционирование подобных иерархий следует рассматривать как однозначно негативное, так как бороться с коррупционной иерархией значительно сложнее, чем предотвращать ее.

В трансформации коррупционных отношений следует разграничивать понятия «коррупционная вертикаль» и «коррупционная иерархия». Так, коррупционная вертикаль – это совокупность коррупционных возможностей, а также объемов, направлений и механизмов их реализации на различных уровнях управления организацией [8]. В этом смысле она не включает в себя системные, теневые взаимодействия между высшими и низшими иерархическими уровнями внутри организации; коррупционная же иерархия базируется на такого рода взаимодействиях, подчиняя себе отношения контроля теневых доходов и коррупционной субординации высших и низших уровней управления.

Таким образом, коррупционная иерархия организации есть коррупционная вертикаль, соединенная с внутренней коррупцией, которая может иметь и исключительно скрытую форму, выступая в качестве блата, патронирования, например, в процессе вертикальной ротации кадров. Коррупционные вертикали существуют в тех организациях, уровень потенциальных коррупционных возможностей которых сравнительно невелик, а сами указанные возможности не являются постоянными и генерируются, а также реализуются время от времени – в подобной ситуации отсутствует объективная необходимость формирования коррупционной субординации внутри организации, поскольку коррупционные доходы не являются основным источником существования ее сотрудников.

Напротив, в организациях с высоким или растущим уровнем потенциальных коррупционных возможностей, с ускоренно растущей потенциальной коррупциемкостью должностей по мере увеличения уровня управления возникает объективная необходимость формирования коррупционной иерархии – гораздо более сильной в интегративном смысле формы функционирования социально-экономических взаимосвязей по сравнению с коррупционной вертикалью [2; 80–92].

Коррупционная иерархия в организации реализует следующие взаимосвязанные функции:

1. Функцию «круговой поруки» (является основной и носит принципиальный характер).
2. Функцию регулирования коррупционных возможностей.
3. Функцию защиты от внешних угроз.
4. Функцию ротации кадров.
5. Репродуктивную функцию.

В целом коррупционная иерархия позволяет снизить риск дисфункциональности организации, обеспечивает регулярное поступление коррупционных доходов при минимальном риске разоблачения. Здесь уже имеет место не просто единичное преступление, а хорошо организованная системная коррупция, противодействовать которой гораздо сложнее как в доказательно-правовом, так и в широком социальном смысле.

Увеличенное воспроизводство коррупционных сделок на условиях взаимовыгодного обмена приводит к формированию сложной коррупционной сети межличностных отношений и сообществ. Таким образом, мы подходим к понятию «коррупционная сеть». Дж. Картье-Брессон считает, что это «структурированная прикрытая мобилизация многочисленных “ресурсов”, например, финансовые интересы, подчинение иерархическому порядку, солидарность, семья, друзья, насилие... Ее цели не менее многочисленны, чем ресурсы, варьируют от сокрытия незаконных действий – мелких или масштабных – до воспроизведения конкуренции, практикуемой на законном рынке» [9].

По мнению Р. Холлингсворта и Р. Бойера, неформальные коррупционные сети являющиеся «неорганизованными группами индивидов и организаций, между которыми совершаются сделки на основании взаимного доверия. Доверие поддерживается отношениями, которые являются стабильными, специфическими, обязательными для каждой из сторон и не подлежащими контролю со стороны закона. Они могут остаться незатронутыми благодаря консенсусу по вопросу о ценностях или зависимости от ресурсов – то есть через “культуру” и “общности”, посредством господствующих единиц, которые ставят других в позицию зависимости. В многих случаях их способы взаимодействия с рынками, иерархиями и государствами различны» [6; 178]. Сеть создает паутину подходящих партнеров, заинтересованных как в определении проблем, подлежащих разрешению, так и в их разрешении [6; 180]. Коррупционная сеть характеризуется своей запутанной деятельностью и многообразием умений ее членов.

Общие тенденции эволюции коррупционных отношений в настоящее время – это постепенное умножение их форм, переход от эпизодической и низовой коррупции к систематической верхушечной и международной.

В 30-е годы XX века во Флориде (США) возникло понятие «фундаментальной коррупции социальной инфраструктуры» как предупреждение о социальной катастрофе. Этот термин не получил широкого распространения, так как он достаточно близок по смыслу к понятию системной коррупции. Системная коррупция имеет место там, где коррупция становится частью системы управления – во многих случаях настолько неотъемлемой, что система не может функционировать без нее. Системная коррупция охватывает все или почти все основные сферы социальной жизни, государственный (муниципальный) и негосударственный секторы [3].

Развивающиеся страны чаще страдают от системной коррупции, чем развитые. В развитых странах коррупция, как правило, поражает часть системы – отдельно взятые государственный или муниципальный орган, влиятельный союз или политическую партию. В развивающихся странах меньше институтов и контрольных организаций, способных защитить общество от коррупции, что позволяет служащим нарушать закон для того, чтобы выжить.

Таким образом, мы приходим к выводу, что коррупция – это специфическая форма социальной практики, основанная на замещении функциональных социальных взаимодействий дисфункциональными формами в условиях дестабилизации социальных структур. Она представляет собой специфические устойчивые модели действия социальных агентов, реализуемые на макро- и микроуровне социальных отношений, в рамках существующих формальных институциональных взаимосвязей и повседневных практик неформального межгруппового и внутригруппового взаимодействия. Речь идет о такой сфере деятельной активности, которая возникает в пространстве социальной девиации, глобализируется в условиях социальной аномии и соотносится с альтернативными возможностями социальной самоорганизации. Данная форма социального действия возникает на основе инверсии общественных ценностей и легитимации в массовом сознании асоциальных установок, присутствующих в стабильном обществе в латентном виде. Она предполагает замещение функциональных институциональных взаимодействий, обеспечивающих реализацию общественных потребностей (практик хозяйствования, управления, регулирования и т. п.) дисфункциональными практиками, подменяющими коллективный интерес узкогрупповыми эгоистическими притязаниями. Дисфункциональная направленность коррупции связана с тем, что в случае ее масштабного распространения возникает угроза замедленного развития социального организма, а в некоторых случаях – вероятность его гибели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коррупированные города: практическое руководство по предупреждению и пресечению [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kiev-security.org.ua/box/4/162.shtml>
2. Кузнецов К. В. Коррупция в менеджменте. Казань: НПО ВТИ, 2005. 132 с.
3. Магомедов К. О., Пономаренко Б. Т., Лобанов П. А. Противодействие коррупции в системе государственной службы. Курск: Изд-во Академии госслужбы, 2011. 226 с.
4. Полтерович В. М. На пути к новой теории реформ // Экономическая наука современной России. 1999. № 3. С. 32–48.
5. Прекратим прежнюю практику ведения бизнеса. Борьба со взяточничеством и коррупцией [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://oecdru.org/corr.html>
6. Противодействие коррупции в условиях нейтрализации кризисных факторов в мегаполисе Москва: методология и организационно-правовые аспекты поддержки на общественных началах: Монография / Под ред. проф. А. Я. Минина. М.: МТПШ, 2009. 365 с.
7. Селихов Н. В. Коррупция в государственном механизме современной России (теоретические аспекты): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 25 с.
8. Шедий М. В. Коррупционные отношения в современном обществе: социологический анализ: Монография. Орел: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2013. 151 с.
9. Cartier-Bresson J. Corruption, pouvoir discretionnaire et rentes II Debat. P., 1993. № 77. P. 26–32.

Shediy M. V., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian Federation)

SPECIFICS OF SOCIAL ARCHITECTONICS OF CORRUPT RELATIONS

The sociological approach to understanding corruption interpretes it as a large-scale, integrated into management, social, and dangerous system. A corrupt system has a stable social architectonics, which provides internal connections of its elements and establishment of close personal relationships. Corrupt actors guided by special values, interests, attitudes to authority, and state resources interact with each other. The study features architectonics of corrupt relations characteristic of modern society. The obtained results will help to develop a social mechanisms against corruption by engagement into anti-corruption processes multiple public forces and civil institutions.

Key words: corruption, corrupt relations, determinants of corrupt relations, mechanism of reproduction of corruption, corruptor, corruptant

REFERENCES

1. *Korrumpirovannyye goroda: prakticheskoe rukovodstvo po preduprezhdeniyu i presecheniyu* [Corrupt cities: a practical guide to the prevention and suppression]. Available at: <http://kiev-security.org.ua/box/4/162.shtml>
2. Kuznetsov K. V. *Korrupsiya v menedzhmente* [Corruption in management]. Kazan, NPO VTI, 2005. 132 p.
3. Magomedov K. O., Ponomarenko B. T., Lobanov P. A. *Protivodeystviye korrupsii v sisteme gosudarstvennoy sluzhby* [Combating corruption in the public service]. Kursk, Izd-vo Akademii gossluzhby, 2011. 226 p.
4. Polterovich V. M. Towards a new theory of reform [Na puti k novoy teorii reform]. *Yekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of Contemporary Russia]. 1999. № 3. P. 32–48.
5. *Prekratim prezhnuyu praktiku vedeniya biznesa. Bor'ba so vzyatochnichestvom i korrupsiey* [We will end the previous practice of doing business. Anti-Bribery and Corruption]. Available at: <http://oecdru.org/corr.html>
6. *Protivodeystviye korrupsii v usloviyakh neytralizatsii krizisnykh faktorov v megapolise Moskva: metodologiya i organizatsionno-pravovye aspekty podderzhki na obshchestvennykh nachalakh. Monografiya* [Combating corruption in the conditions of crisis neutralizing factors in the city Moscow: methodology, organizational and legal aspects of support for volunteer]. Moscow, 2009. 365 p.
7. Selikhov N. V. *Korrupsiya v gosudarstvennom mekhanizme sovremennoy Rossii (teoreticheskiye aspekty). Avto-ref. diss. ... kand. yurid. nauk* [Corruption in the state mechanism of modern Russia (theoretical aspects). Author's abstract of PhD. Jud. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2001. 25 p.
8. Shediy M. V. *Korrupsionnyye otnosheniya v sovremennom obshchestve: sotsiologicheskii analiz. Monografiya* [Corrupt relations in modern society sociological analysis. Monograph]. Orel, 2013. 151 p.
9. Cartier-Bresson Y. *Corruption, pouvoir discretionnaire et rentes II Debat.* P., 1993. № 77. P. 26–32.

Поступила в редакцию 25.09.2012